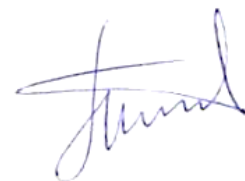

На правах рукописи

ТИМОНИНА Татьяна Юрьевна

ПОЭТОЛОГИЯ СВЕТА И ТЬМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МЕРДОК

(на материале романов конца 1960-х – 1970-х годов)

10.01.03 – литература народов стран зарубежья

(западноевропейская и американская)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Калининград

2016

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Гильманов Владимир Хамитович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Филюшкина Светлана Николаевна
(ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», профессор кафедры зарубежной литературы)

доктор филологических наук, профессор
Толкачев Сергей Петрович
(ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького», профессор кафедры литературного мастерства)

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита состоится 2 декабря 2016 г. в 15 час. на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а, ауд. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте <https://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/199632/> Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Автореферат разослан ____ октября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Н. Черняков

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию специфики поэтологии света и тьмы в романах Айрис Мердок конца 1960-х – 1970-х годов в контексте философско-герменевтической направленности творчества писательницы.

Выбор темы диссертационного исследования обусловлен самобытностью и значительностью феномена А. Мердок, творчество которой уже давно признается многочисленными исследователями как одно из выдающихся явлений в английской литературе XX века, характеризующееся особой уникальностью авторской поэтологии. Однако, несмотря на большое число публикаций и возрастающий интерес к творчеству А. Мердок со стороны отечественных и зарубежных исследователей, идейно-философская специфика ее романов и поэтологическая объективация этой специфики все еще не исследованы в той степени глубины, которая могла бы связать в едином дискурсе значимую для автора философию света и ее литературно-художественное выражение в произведениях писательницы.

Ведущие идейные линии, прослеживаемые нами в творчестве А. Мердок, такие, как соотношение объективного и субъективного аспектов, проблема истинного и иллюзорного в жизни и искусстве и, в особенности, проблема невидимого излучения (умозрительного света), играют важнейшую роль в общем контексте того, что М.М. Бахтин называет «большим временем» культуры. Свидетельством этому являются разные философии света и герменевтики света, берущие начало еще в античности (теория синавгии Платона, неоплатоническая герменевтика света) и нашедшие отражение как в истории литературы в целом, так и в творчестве А. Мердок в частности.

Таким образом, данное исследование представляется **актуальным** в контексте его общей световой проблематики, имеющей отношение к новым парадигмальным поискам как в литературоведении, так и в современной науке в целом. Кроме того, актуальным представляется исследование категории света в его неизбежной феноменологической диалектике с тьмой в творчестве А. Мердок с позиции литературоведческой концептологии – достаточно молодой от-

расли гуманитарного знания, которая, однако, уже успела получить продуктивное развитие за последние десятилетия.

Объектом исследования является художественное творчество А. Мердок конца 1960-х – 1970-х годов, рассматриваемое в контексте его общей философско-герменевтической направленности, а **предметом** – поэтология света и тьмы в творчестве А. Мердок.

Цель исследования: выявить особенности поэтологии света и тьмы в романах А. Мердок указанного периода с учетом общего философско-герменевтического дискурса, обусловившего специфику художественного творчества писательницы.

На достижение поставленной цели было направлено решение следующих **задач:**

– проследить идейно-философскую эволюцию романного творчества А. Мердок;

– выделить базовые философские категории, выстраивающие философско-аналитический уровень нарратива в произведениях А. Мердок;

– исследовать специфику онтологии и гносеологии света и тьмы в определенных герменевтиках света, оказавших влияние на художественный нарратив А. Мердок;

– проследить динамику развития поэтологии света и тьмы в романах А. Мердок на фоне диалога между двумя вышеозначенными уровнями нарратива;

– выявить основные характерные особенности поэтики света и тьмы в произведениях А. Мердок на мотивно-образном, композиционном и идейно-тематическом уровнях текста;

– выявить особенности содержания концептов света и тьмы в индивидуально-авторской картине мира писательницы;

– обозначить художественную роль метафоры в произведениях А. Мердок.

Выполнению указанных задач послужила комплексная методика анализа, включающая как традиционные, так и современные **методы** гуманитарного

знания, а именно: контекстуальный, культурно-исторический, компаративный, герменевтический методы, а также метод концептуального анализа.

Исследование опирается на **теоретическую базу**, представленную в трудах по проблемам поэтики и теории анализа поэтического текста (Ю.М. Лотман, А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, В.Е. Хализев, О.А. Кривцун), теории метатекста и внутренней структуры произведения (Р. Барт, Ю.М. Лотман), нарратологии (В. Шмид, В.И. Тюпа), герменевтики (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, В. Дильтей), теории метафоры (Н.Д. Арутюнова, Дж. Лакофф, М. Джонсон). В области эстетики и метафизики света исследование опирается на труды Платона, Р. Гроссетеста, работы У. Эко, Х. Зедльмайра, А.Ф. Лосева.

Методологическую основу в области концептуального анализа составили положения по теории концепта (работы Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.Н. Болдырева, В.И. Карасика, М.В. Пименовой, С.Г. Воркачева, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой и других), исследования в области литературоведческой концептологии и теории художественного концепта (С.А. Аскольдова, В.Г. Зусмана, Н.С. Болотновой, Т.И. Васильевой, И.А. Тарасовой, Г.И. Берестнева, Р.В. Алимпиевой, С.В. Таран и других), а также работы по лексической семантике (И.В. Арнольд, И.М. Кобозевой, О.Н. Селиверстовой, И.М. Шеиной, Н.А. Стадульской, А.Г. Гуревич, Г.А. Шушариной и других).

Материалом для исследования послужили 9 романских произведений А. Мердок, написанных в период с 1968 по 1978 гг., условно обозначаемый термином «платонический».

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые осуществляется комплексный лингво-литературоведческий анализ романов «платонического» периода творчества А. Мердок с целью связать в едином дискурсе значимую для А. Мердок философию света и ее литературно-художественное выражение в произведениях писательницы.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что ее результаты позволяют уточнить уникальную специфику поэтики творчества А. Мердок конца 1960-х – 1970-х годов, заключающуюся в сложном взаимодействии фи-

лософско-аналитического и эстетико-художественного типов авторского повествования; вносят вклад в исследование вопроса о характерных особенностях английского романа экзистенциалистской ориентации середины XX века, одним из важных представителей которого является А. Мердок. Кроме того, теоретическая значимость диссертации заключается в намеченной перспективе синкретического подхода к исследованию проблемы света и тьмы в контексте современного гуманитарного знания с позиций философской герменевтики света, метафизики света и художественной поэтологии света и тьмы.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его материалов в вузовских курсах по истории английского романа XX века, стилистике, а также на семинарских занятиях по филологическому анализу художественного текста. Кроме того, результаты концептуального анализа света и тьмы могут быть использованы для составления частотного словаря романов А. Мердок.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на заседаниях кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета им. И. Канта, были изложены в виде докладов в Калининградской областной научной библиотеке и на международных научно-практических конференциях («Наука и образование в жизни современного общества» (Тамбов, 2013), «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014), «Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития» (Тамбов, 2014), «Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания иностранных языков» (Нижний Новгород, 2015), «Перспективные направления развития современной науки» (Москва, 2015), «Общественные науки в современном мире» (Санкт-Петербург, 2016)), использовались на занятиях со студентами в рамках курсов «История зарубежной литературы XX века», «История мировой литературы» и «Эстетика», а также отражены в 12 статьях автора, 4 из которых опубликованы в журналах, входящих в список рецензируемых изданий ВАК.

В соответствии с поставленной целью на защиту выносятся следующие **основные положения**, определяющие научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы:

1. В основе творческого процесса А. Мердок лежит диалог между двумя уровнями нарратива: философско-аналитический уровень (нарратив логика), обусловленный спецификой авторской рациональности, и эстетико-художественный уровень (нарратив герменевта), порождаемый текстурой знакового метатекста западной культуры XX века.

2. Несмотря на влияние знаковых философских герменевтик, прослеживаемое в творчестве А. Мердок, и возможность выделения конкретных логико-философских категорий, выстраивающих философско-аналитический нарратив в произведениях А. Мердок, можно говорить о выработке автором своей собственной, уникальной идейно-философской концепции, складывающейся, прежде всего, из взаимодействия идей экзистенциализма, платонизма и неоплатонической метафизики света, а также разрабатываемой автором специфической концепции искусства.

3. Уникальность художественного нарратива А. Мердок заключается, прежде всего, в особенностях разрабатываемой ею собственной герменевтики света, выражаемой в специфике авторской поэтологии света и тьмы и художественной концептуализации западной философии света, составляющей особую, неповторимую идейно-философскую и образно-стилистическую специфику произведений писательницы.

4. Поэтология света у А. Мердок построена на принципе субстанциального тождества Света, Любви и Слова. В романах конца 1960-х – 1970-х годов это тождество основано, прежде всего, на платонической парадигме, в которой объединяющим метапринципом является идея Блага.

5. Свет как носитель идеи Блага предстает в качестве метасимвола, задающего своеобразную структурно организованную и системно связанную символическую иерархию, которая включает два композиционно значимых хронотопа – хронотоп макромира и хронотоп микромира, тесно взаимодействующие и

взаимно обуславливающие друг друга. Онтологической иерархии символизма света соответствует ее языковая объективация, идейно-семантическая форма которой отражает специфику авторской концептуализации, образуя функционально-семантическое поле художественной когнитологии А. Мердок. Своеобразие этого функционально-семантического поля отражает характер диалогического взаимодействия между нарратором-логиком и нарратором-герменевтом.

6. Для «платонических» романов А. Мердок характерна присущая всему романному творчеству писательницы динамика, выражающаяся в нестатичности диалога/противостояния двух уровней нарративных структур. В романах до 1970 года («О приятных и праведных» и «Сон Бруно») в той или иной степени завершенности художественного воплощения находит выражение платоническая концепция духовного анамнесиса и познания истины, составляющая философскую основу нарратива логика в произведениях А. Мердок.

7. Начиная с романа 1970 г. «Вполне достойное поражение» вплоть до знакового романа 1978 г. «Море, море» в нарративе А. Мердок преобладает эстетико-художественный, или герменевтический уровень, в котором концептуальная логика Мердок-философа уступает место особой художественной экзистенции автора, «предчувствующей» событие «смерти света» в западной культуре XX века.

Цель и задачи исследования определили **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей список научной литературы и публицистики, художественной литературы, словарей и энциклопедий, а также список литературных источников.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность диссертации, указываются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуются материал и методы его анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значи-

мость исследования, приводятся данные о его апробации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Феномен А. Мердок: художник и философ», состоящей из трех параграфов, определяется место творчества А. Мердок в истории западноевропейского романа, прослеживается идейно-философская эволюция произведений писательницы. Отдельное внимание уделяется особенностям герменевтики света в соответствующих философских дискурсах, отразившихся в творчестве А. Мердок.

В первом параграфе проводится исследование особенностей творческого метода А. Мердок в контексте общей специфики английской литературы XX века, освещается вопрос о соотношении искусства и философии в творчестве писательницы, а также обозначается главный предмет художественного исследования автора – философия морали.

А. Мердок является представителем английского романа философской направленности, на формирование которого в XX веке особое влияние оказала философия экзистенциализма. Несмотря на существенное разграничение, которое писательница проводит между своими философскими работами и творчеством романиста, многими исследователями отмечается глубинная взаимосвязь этих двух видов авторской деятельности А. Мердок. Широтой философских интересов писательницы вызвана неоднородность ее художественного мира. Несистематичность, «кривая эволюция» [Ивашева 1969: 147] творчества А. Мердок выражается в жанровой неопределенности ее романов, в двойственности авторского художественного метода.

Творческий метод писательницы обладает сложной спецификой, объединяя в себе традиции классического реализма, романтизма и магического реализма. При этом мы отмечаем, что реализм А. Мердок имеет отношение, прежде всего, к сфере духовной жизни человека. Важнейший принцип реализма и психологизма А. Мердок заключается в исследовании сложной противоречивости и многоплановости человеческого сознания как единого целого, что также является «неким общим этическим взглядом» [Ивашева 1983: 232] художника на

природу человека. Развивая собственный тезис о моральной специфике искусства, А. Мердок в своих романах связывает тайну истинного искусства с тайной неэгоистичной любви, освещающей реальность и открывающей путь к добродетели.

Второй параграф посвящен исследованию философских оснований романного творчества А. Мердок, среди которых особое место принадлежит философии экзистенциализма (в ее сартровском варианте), впоследствии уступившей место платонизму и морально-этическим идеям христианства.

В 1953 году А. Мердок пишет критический очерк «Сартр – романтический рационалист», в котором называет французского философа своим учителем. Абсурдность мира, хаос бытия, одиночество «заброшенной» и «покинутой» личности, «приговоренной» к свободе и ответственности – все эти категории сартровской философии находят отклик в творчестве А. Мердок, по-разному переосмысливаясь автором. Примерно в то же время писательница обращается к лингвистической философии Л. Витгенштейна и его главному тезису: «О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть» [Витгенштейн 2005: 219], впоследствии ставшему лейтмотивом многих романов писательницы. Особую роль в развитии философской мысли А. Мердок сыграла концепция идейного вдохновителя экзистенциалистов С. Кьеркегора. В романах 1960-х годов персонажи А. Мердок «раздваиваются, аллегорически воспроизводя противоречия человеческих характеров» [Ивашева 1989: 218]. Важное место в творчестве писательницы занимает тема демонов – губительных субъективных устремлений личности, связанная с особенностями философских представлений автора.

Постепенно А. Мердок приходит к отрицательной оценке как экзистенциализма, так и лингвистической философии, считая, что они не имеют «практического значения для этики» [Лозовская 1979: 41]. Обращение А. Мердок в конце 1960-х годов к философии Платона позволило критикам говорить о новом, «платоническом» этапе в ее творчестве. А. Мердок следует за Платоном в трактовке природы любви, при описании ее как побудительной причины духовного восхождения к божественным эйдосам посредством припоминания (анамнеси-

са). По Платону, высшим эйдосом является Благо, в терминологии А. Мердок – Добро (the Good). В то же время платоническая идея восхождения из пещеры переосмысливается автором с точки зрения экзистенциалистского подхода к проблеме человека в мире, к тайне индивидуального сознания. Основное расхождение с платонической теорией связано, главным образом, с вопросами искусства, художественного творчества. Для А. Мердок «искусство морально» [Лозовская 1979: 42], оно помогает превозмочь эгоистические тенденции в сознании человека и поэтому является разновидностью добра. Обращение А. Мердок в 1970-х и 1980-х годах к традициям христианской этики, элементы которой восходят к учению Платона, связано, прежде всего, с авторским исследованием морально-нравственных вопросов.

В *третьем параграфе* рассматриваются особенности онтологии и метафизики света и тьмы в платонической и неоплатонической герменевтиках света, которые, как отмечается многими исследователями (см., напр.: [Ивашева 1969; Мизинина 1991; Jacobs 1999] и др.), оказали наибольшее влияние на эстетику А. Мердок.

Важнейшим моментом платоновского учения об эйдосах является пронизанность эйдетического мира светом, источником которого выступает Благо. В образной символике пещеры Благо уподобляется Платоном божественному Солнцу, о существовании которого не знают узники. Образы солнца и огня, горящего в пещере, по мысли А. Мердок, обозначающего человеческую душу, или самость («the self») [Мердок 2008: 135]), отражают общее представление древних мыслителей о двойственной природе света (свет объективный и свет субъективный). Суть этой двойственности раскрывает концепция синавгии, основные положения которой изложены Платоном в диалогах «Государство», «Тимей», «Менон», «Теэтет» и других. Синавгия представляет собой теорию зрения как наложения трех типов света – объективного света, исходящего от вещей, внутреннего огня, заключенного в глазах человека, и света солнца, соприродного внутреннему свету. Символический характер данной концепции заключается в соотношении области зримого с областью умопостигаемого. Об-

раз Солнца используется Платоном для разъяснения понятия Блага, превосходящего собой истину и знание.

А. Мердок близко неоплатоническое представление о душе человека как о темном резервуаре, наполненном различными привычками и ложными идеалами. Поиски духовного света у писательницы сопряжены с понятиями Добра (в текстах автора отождествляемого с Благом) и незгоистичной любви. Однако герменевтика света А. Мердок несет нерелигиозный характер. Писательница отвергает свойственное средневековой метафизике отождествление Блага с представлением о Боге как личности. А. Мердок связывает платоническое понятие Блага (или неоплатоническое понятие Первоединого) с христианским представлением о добродетели (good), а также любви к добру (love of good), которая, по А. Мердок, может стать последним источником света для помраченного сознания человека.

Во второй главе **«Поэтологические аспекты света и тьмы в произведениях А. Мердок»**, состоящей из двух параграфов, на основе анализа образности стилистических и композиционных средств поэтологии света и тьмы в романах выстраивается поэтологическая таксономия философии света в творчестве писательницы исследуемого периода.

В *первом параграфе* освещаются вопросы двойственной природы любви и критики автономного субъекта в романах конца 1960-х – начала 1970-х годов: «О приятных и праведных», «Сон Бруно», «Святая и греховная машина любви» и «Черный принц».

В силу отсутствия связи с эйдетическим светом персонажи А. Мердок зачастую предстают «черными принцами» (ср., напр.: Bradley Pearson = Black Prince), сознание которых населяют различные темные демоны и субъективные устремления, оказывающие разрушительное действие на других людей. В романе «Дитя слова» Хилари Берд сам признается в своей темной, «подземной» природе. Монтегью (Монти) Смолл из романа «Святая и греховная машина любви», живя «внутри себя, как в камере-одиночке» (Святая и греховная машина любви, 425), наделяет других людей ложными характеристиками, порожд-

даемыми его собственной субъектностью. Чарльз Эрроуби, герой романа «Море, море», обладает темным сознанием, оказывающимся губительным для «гостей» создаваемого им магического мира. В романе «Черный принц» Брэдли Пирсон, Гамлет XX века, открывает абсурдность мира и бессмысленность «всякого опыта», который «в конечном счете ведет в ничто» [Дьяконова 2001: 162]. В то же время герой узнает причину болезни мира в самом себе.

Следуя за платонической концепцией двойственной природы Эроса, А. Мердок в своих произведениях противопоставляет два вида любви: любовь небесную и любовь земную. Небесная, или калокагатическая, любовь, олицетворяемая женскими образами, связанными со светом, является причиной анамнесиса и духовного преображения персонажей. Наиболее полно эта концепция воплощена в романе «О приятных и праведных», где герои после череды потрясений, внутренних переосмыслений и моральных выборов, преодолевая собственный эгоизм, находят свой путь и в светореальности гармонизированного «космоса» обретают свое Благо. В то же время, черный Эрос, или земная любовь, у А. Мердок сопряжена с идеей деструктивности и смерти. Коннотативность черного Эроса, связанная, прежде всего, с эгоистической губительной волей субъективного света, означает принципиальную невозможность выхода из пещеры. В этой связи особое значение нами уделяется специфике имени, имеющего прямое отношение к световой проблематике романов А. Мердок: Локсий = Люксий (= Люцифер). Нами ставится под сомнение предлагаемая исследовательницей З. Гражданской трактовка образа Локсия, связываемая с готическим представлением о вмешательстве некой фантастической силы, «князя тьмы», играющего человеческими судьбами. По нашему мнению, ключом к проникновению в сложную специфику этого имени является знаковая лексема «lux», указывающая на идею предельной субъективности и непроницаемости разума для эйдетического света: «Это я есмь Люцифер» (О приятных и праведных, 296). Земная любовь трактуется А. Мердок как любовь эгоистическая, или любовь к собственной самости, и поэтому связывается с идеей ложного Блага:

«Ложная любовь движется к ложному благу. Ложная любовь избирает ложную смерть» [Мердок 2008: 136].

Кантовский принцип автономии как философский принцип самостоятельности бытия, направляемого собственным разумом и совестью, как показывает анализ романов А. Мердок, в XX веке доказывает свою недееспособность в силу тотальной поврежденности способности сознания и способности воли, что пророчески отражено в искусстве – «документе и зеркале» [Зедльмайр 2008: 375] наступившего события «затмения Солнца» [Там же]. Неспособность субъекта дотянуться сознанием до истины, сопряженная с повреждением «ясного взгляда» (Хайдеггер), у А. Мердок связана с архетипическим мотивом эдиповой слепоты. Поиски истины заканчиваются попаданием персонажей в сети «моральных уловок» («moral cheat») [Murdoch 2003: 446], изобретенных их собственным эгоизмом. Не находя в себе способности восприятия Блага в его «обнаженности и одиночестве», «его абсолютной бесцельности (for-nothingness)» [Jordan 2008: 194], герои А. Мердок изобретают «ложные Блага» и «ложные солнца», «смотреть на которые проще и удобнее, чем на подлинное» [Мердок 2008: 134].

Второй параграф посвящен исследованию проблемы «оставленности» бытия и приоритета автономного разума, заслоняющего бытийный свет, а также связанной с этим проблемы «убивающего» сознания в романах 1970-х годов: «Вполне достойное поражение», «Дитя слова», «Человек случайностей», «Генри и Катон» и «Море, море». Освещая подмеченную М. Хайдеггером «пустоту бытийной оставленности» [Хайдеггер 1993б: 188], связанную с забыванием истины Бытия, яркий, холодный, беспощадный свет у А. Мердок становится апокалиптическим светом конца мира. С данной идеей в романах А. Мердок непосредственным образом связана идея сущности техники, выстраиваемой человеком с целью подтверждения своей собственной иллюзорной автономии и свободы (см.: [Зедльмайр 2008]). С механизацией и автоматизацией бытия в романах А. Мердок связан мотив мира-пещеры (Платон) как благоустроенной тюрьмы, со всеми современными техническими заменителями природы и ре-

альной жизни. Важное значение при этом имеет синавгический аспект, а именно: замена эйдетического света в хронотопе пещеры на искусственный свет огня (= самости). Метафизическое сознание, отчужденное от бытия, о котором пишет М. Хайдеггер, в произведениях А. Мердок становится «убивающим».

Характерной чертой многих персонажей-носителей философских принципов в романах А. Мердок является несогласованность мысли и действия в их системе ценностей, что, по нашему мнению, имеет непосредственное отношение к проблематике взаимодействия двух нарративов в произведениях писательницы. Духовное поражение в романах А. Мердок напрямую сопряжено с проблемой бессилия любви перед всепобеждающей разрушительностью человеческого эгоизма. Симптоматичность этого отражена в герменевтическом нарративе Мердок-художника через поэтику света. В романах 1970-х годов прослеживается динамика «онтологической подмены», обусловленная сменой источников светового излучения: свет Блага в его синавгической специфике сменяется светом безблагодатной, но магически сильной автономной субъектности. Нарратор-герменевт открывает новую онтологию, порождаемую этим новым светом, и новый «магический» символизм его действия, в котором то, что воспринимается как свет, на самом деле есть тьма. Убийство бытийного света, воплощенного в романах А. Мердок, прежде всего, в женских образах, подтверждает теорию австрийского ученого Х. Зедльмайра о «смерти света» (см.: [Зедльмайр 2008]) в искусстве XX века.

Третья глава «Концептуализация света и тьмы в романах А. Мердок», состоящая из двух параграфов, посвящена исследованию особенностей литературно-художественной концептуализации философии света в романах конца 1960-х – 1970-х годов, составляющей особую, неповторимую идейно-философскую и образно-стилистическую специфику произведений А. Мердок.

В *первом параграфе* рассматриваются некоторые основные теоретические вопросы, значимые для дальнейшего исследования (концепт в его отличии от понятия и значения, картина мира, авторская картина мира, художественный концепт и др.), а также определяется методика концептуального анализа.

Концепт рассматривается нами как кодированный в языке «квант» знания, «оперативная содержательная единица памяти» [Кубрякова 1997: 89 – 90]. В структуру концепта входят понятийная составляющая, отражающая «общие и существенные признаки предмета или явления, стоящие за концептом», и образная составляющая, передающая особенности «индивидуального опыта человека» [Шушарина 2007: 1]. Особую категорию концептов составляют художественные концепты, отражающие содержание универсального, национального и индивидуального человеческого опыта. «Ассоциативная запредельность» художественных концептов «придает им художественную ценность» [Аскольдов 1997: 275], а способность художественных текстов актуализировать признаки, не входящие в ядро национального концепта, в совокупности с характерной для них «неузуальной оценочной интерпретацией ядерных признаков» [Тарасова 2010: 743] концепта представляет особый интерес для исследования.

При анализе специфики художественной актуализации концептов света и тьмы в произведениях А. Мердок мы придерживаемся методики, предлагаемой Т.И. Васильевой, согласно которой на первом этапе анализа устанавливается ключевое слово-номинал концепта, определяется его словарное значение и смысл в конкретном художественном контексте. На следующем этапе исследуются особенности репрезентации концепта в тексте на основе лексико-семантического анализа его языковых вербализаторов. Особая роль в актуализации художественного концепта нами отводится метафоре как одному из главных способов отражения действительности в поэтическом тексте. В конечном итоге, определяется «место концепта в художественной картине мира писателя» [Васильева 2005: 54].

Во *втором параграфе* исследуются особенности художественной актуализации концептов света и тьмы в творчестве А. Мердок, выявляются основные признаки концептов, отражающие их авторское переосмысление.

Одним из существенных признаков, на наш взгляд, является признак холодности и слабости, даже усталости солнечного света, что передается в текстах автора через лексемы *cold* «холодный», *cool* «прохладный», *lazy* «ленивый»,

weak «слабый», *pale* «бледный», *tired* «уставший». Неприятие солнечного света персонажами А. Мердок иногда доходит до ощущения враждебности и угрозы, а порой – отвращения, что передается лексемами *awful* «ужасный», *unfamiliar* «чужой, незнакомый», *ghastly* «жуткий, отвратительный», *menacing* «зловещий, пугающий». Ощущение враждебности по отношению к свету связано с мотивом опустошенности и покинутости. Обессиленный свет солнца («*strengthless sun*» – *The Black Prince*, 52) теряет свою способность освещать темноту и выявлять истину. Через романы писательницы проходит августиновский мотив «темной ночи души» («*the dark night of the soul*» – *Henry and Cato*, 27), находящейся в отчаянном поиске истинного света (см.: [Murdoch 2003: 231]), однако, в конечном итоге, обнаруживающей себя в одиночестве опаленной пустыни, где солнце оказывается не благим источником света и тепла, а «губительной звездой» («*the ray of a malignant star*» – *The Nice and the Good*, 27), бросающей на героев А. Мердок свои жестокие, знойные лучи. Мотив пустоты, освещаемой безжалостным светом, переходит в экзистенциалистский мотив заброшенности и оставленности мира истиной бытия.

Если Солнце как источник эйдетического света – это предел, к которому стремится душа в поисках Блага, то тьма характеризует пространство пещеры. Это свойство становится ментальной характеристикой персонажей А. Мердок («*it seemed to my dark purposing mind*» – Там же, 326), в том числе, влияя на характер их самосознания: «*I saw myself as a dark figure*» (*The Sea, the Sea*, 85). Тьма в сознании проецируется и на внешний мир, в конечном итоге лишая героев А. Мердок способности отличать свет от тьмы. Тьма также напрямую связана с низшим, «земным», или телесно-эротическим проявлением любви – черным Эросом: «*It is the god, the black Eros*» (*The Black Prince*, 331). Важнейшим признаком, придаваемым тьме в текстах А. Мердок, является ее субъектная положительная аксиологичность: «*I preferred the dark*» (*A Word Child*, 27). Концепт тьмы, как и концепт света, сопряжен с проблематикой пустоты и оставленности бытия, разрушения прежних принципов реальности: «*There was*

blackness. All previous blacknesses had been grey. There was nothing» (Henry and Cato, 212).

Граница между концептами света и тьмы в художественной картине мира А. Мердок в некоторой степени размыта. Несмотря на противоположное сигнификативное значение слов, репрезентирующих концепты света и тьмы, в конкретном художественном дискурсе последние не всегда предстают в отношении антиномии. Зачастую концепты света и тьмы сближаются настолько, что признаки, входящие в план содержания одного концепта, переходят к другому, проецируются на него. Это выражается, прежде всего, через такие лексические сочетания, как *dark light* (темный свет), *sunny darkness* (солнечная тьма), *bright darkness* (яркая тьма), *dark rays* (темные лучи), *sunless light* (бессолнечный свет), *luminous flashes of black* (яркие вспышки черноты/тьмы). Иной формой взаимодействия и актуализации концептов света и тьмы в текстах А. Мердок является их взаимообратимость, переход одного концепта в другой: «glow from dark to light and fade again from light to dark» (The Black Prince, 351). Чаще всего это чередование сменяется символическим поглощением света тьмой и окончательным торжеством последней: «Even the **sunshine** did not dispel that darkness now» (Bruno's Dream, 215). Особое своеобразие авторской актуализации концептов света и тьмы заключается в радикальном переозначивании классического словарного узуса, основанном на семантическом контрасте. Вместо того чтобы выявлять предметы и освещать действительность, свет в произведениях А. Мердок часто выполняет обратную функцию, размывая контуры и формы, создавая атмосферу призрачности и иллюзорности: «The **light** becomes so intense and yet it dissolves forms instead of revealing them» (A Fairly Honourable Defeat, 42). Свет затмевает истинную суть вещей, мешает зрению: «the granular dawn **light** <...> seemed to obscure rather than promote vision» (The Black Prince, 341). В свою очередь, концепт тьмы также претерпевает определенное художественное переозначивание. В то время как свет порой скрывает предметы и явления в восприятии персонажей, тьма, напротив, помогает «выявить» реальность: «**darkness** which seemed to reveal, to body forth, rather than to conceal...»

(Henry and Cato, 35). Тьма приобретает противоположные ей признаки и начинает «освещать» материю. Полярное переозначивание внутренней семантической структуры концептов света и тьмы в романах А. Мердок, по нашему мнению, может свидетельствовать о сущностном нарушении энергийно-световой гармонии, иначе – о нарушении принципа синавгии. Через романы писательницы проходит синавгический мотив «видящего глаза» [Платон 2008: 864], который в авторском переосмыслении становится «невидящим глазом», вбирающим в себя тьму вместо света: «it was **dark**, unless the **darkness** was only in her eyes» (A Fairly Honourable Defeat, 159). Нарушение синавгии между образами, вызванное неспособностью взглянуть на реальный мир ясным, незамутненным взором, в некоторой степени обуславливает поэтику и символику цвета в романах А. Мердок, в свою очередь, являющуюся одним из авторских регулятивных средств представления концептов света и тьмы. Через романы автора проходит мотив аннигиляции белого цвета, который в платонической концепции воплощает божественный свет.

Метафорика света и тьмы в романах А. Мердок является главным художественным приемом в герменевтическом нарративе автора. Особый интерес представляют так называемые романтические метафоры, синхронизирующие внутренние состояния персонажей с природными, – метафоры жары, холода, тумана. Проблема аномальной жары, так же, как и проблема парадигмального остывания солнца, связана с нарушением синавгического взаимодействия между объективной (макромир) и субъективной (микромир) световыми энергиями. В отсутствии эйдетического света Блага внутренний субъективный свет, становящийся у А. Мердок, в конечном итоге, Люциферовым светом, вызывает нарастание внутренней раскаленности мира, создавая губительную энтропию замкнутого пространства душного Лондона. В текстах произведений А. Мердок также можно выделить группу метафор-хронотопов, представляющих концептуальное пространство света и тьмы. Это, главным образом, пространство пещеры и ее эквивалентов: тюрьмы, клетки, подвала или темной комнаты. В романе «Черный принц» пещера предстает как двойная метафора, отражающая, с

одной стороны, внутреннее состояние героя и, вместе с тем, являющаяся метафорой его переживания мира как пещеры. Доминирующим принципом в этом мире-пещере, равно как и во внутреннем хронотопе пещеры, является отсутствие света. Важнейшей метафорой в нарративе А. Мердок является метафора Блага (the Good), стоящая в центре всей моральной философии автора. Идея Блага у А. Мердок является объединяющим метапринципом, связывающим поэтологию света и тьмы с платонической концепцией любви и познания.

В заключении обобщаются основные результаты проделанной работы.

Первый уровень нарратива А. Мердок – нарратив логика – монистичен, нацелен на определенную причинно-следственную целостность, задаваемую соответствующими философскими влияниями. Он выстраивается преимущественно из основных философских категорий экзистенциализма и платонизма, а также философской герменевтики М. Хайдеггера и собственной концепции моральной философии А. Мердок, складывающейся из взаимодействия идей экзистенциализма, платонизма и неоплатонической метафизики света, а также разрабатываемой автором специфической концепции искусства. Собственная идейно-философская концепция А. Мердок отмечена особой гносеологической спецификой экзистенциального романа XX века, для которой характерна пронизанность границы между сущностной световой основой бытия и субъективной поэтико-метафорической природой художественной реальности, создаваемой автором. «Последнее высвечивание» этого бытийного света, пробивающегося через сложное переплетение двух нарративных уровней в романах А. Мердок, является характерной чертой ее творчества и отражается, прежде всего, на уровне нарратора-герменевта.

В отличие от нарратива логика, нарратив герменевта А. Мердок открыт для обостренного экзистенциального опыта все еще живого автора, «вслушивающегося» в голос бытия. Экзистенция автора, проявляемая в особой специфике образно-художественного означивания в романах А. Мердок, напрямую связана с семиотическим пространством культурного окружения писательницы и производна от текстуры порождающего соответствующие тексты структурообра-

зующего принципа западной онтологии. Главным феноменологическим инструментом «голоса» бытия в искусстве у А. Мердок является поэтология света и тьмы, отражающая, в том числе, через индивидуальную специфику концептуализации света и тьмы в авторской картине мира, общекультурный диагноз бытийной «оставленности» и порождаемого ею одиночества автономного субъекта, утратившего способность к «ясному зрению».

Вышеозначенные нарративные структуры в произведениях писательницы находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, иногда доходящем до конфликта, что отражает сложную специфику соотношения искусства и философии в художественном творчестве А. Мердок. В диалоге двух уровней нарратива прослеживается определенная динамика. В некоторых романах – «О приятных и праведных», «Сон Бруно», «Святая и греховная машина любви» – прослеживается логика платонической концепции возможного выхода из пещеры благодаря любовному анамнесису. В остальных романах исследуемого периода в динамике нарастания субъектного компонента «гасящего» света происходит замена платонического эйдетического света на эгоистический и всеоправдывающий свет Люцифера, достигающий апогея в романе «Море, море», в котором протагонист Чарльз Эрроуби признается в том, что он – «маг» бытия, практикующий магию «убивающего» сознания.

Основой художественного логоса А. Мердок является поэтология света и тьмы, в которой отражается характер авторской концептуализации фундаментальной категории света. Авторские средства языковой объективации в романах конца 1960-х – 1970-х годов обусловлены спецификой именно этой концептуализации и образуют функционально-семантическое поле художественной когнитологии А. Мердок, своеобразие которого отражает характер диалогического взаимодействия между нарратором-логиком и нарратором-герменевтом. Исследование концептуальной специфики категории света на основе анализа языковых средств ее художественной объективации подтверждает парадоксальный характер этого взаимодействия, выражаемый, прежде всего, в своеобразии авторской поэтики света и тьмы, а именно: в прослеживаемом в романах А. Мер-

док противоречия между последним сиянием благостного света, который, по словам М. Хайдеггера, все еще «просвечивает» [Хайдеггер 1993б: 181] бытие, и, одновременно, его охлаждением и угасанием. Последнее также связано с опасностью подмены принципа любовной калокагатии на «ложную любовь» [Мердок 2008: 136], ведущую к «убийству» божественной премудрости. В романах А. Мердок прослеживается драматичное сближение концептов света и тьмы. Грань этого сближения хрупка и нередко нарушается, что, в конечном итоге, приводит к эстетической, онтологической и праксиологической «краже» света тьмой. Грандиозная подмена бытийного света «здесь-бытийной» тьмой, выдающей себя за свет, отражена в сложных перипетиях языковой динамики текстов романов и обусловлена фундаментальным принципом субстанциального тождества Света, Любви и Слова в художественном логосе А. Мердок, выявляемого нами, исходя из платонической и, в особенности, неоплатонической основы философской парадигмы романов конца 1960-х – 1970-х годов. Окончательный вывод в отношении судьбы бытия света в творчестве А. Мердок возможен только при учете поэтологических аспектов света и тьмы в произведениях, последовавших за романом «Море, море». Изучение сложной специфики индивидуально-авторской поэтологии на материале поздних романов писательницы представляет перспективы для дальнейшего исследования.

Основное содержание диссертации отражено в двенадцати публикациях автора общим объемом 4.1 п. л.

**Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах,
включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ**

1. Тимонина Т.Ю. Синавгические мотивы в творчестве А. Мердок (на примере романов «Сон Бруно» и «Черный принц») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2015. Вып. № 8. С. 113 – 118 (0.4 п. л.).

2. Тимонина Т.Ю. Концепт света в романе А. Мердок «О приятных и праведных» // Научное обозрение: гуманитарные исследования. № 5. М.: ИД Наука образования, 2016. С. 96 – 103 (0.4 п. л.).

3. Тимонина Т.Ю. Диалог двух нарративов в романах А. Мердок конца 1960-х – 1970-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44 – 46 (0.3 п. л.).

4. Гильманов В.Х., Тимонина Т.Ю. Мотив света и критика автономного субъекта в творчестве А. Мёрдок // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2016. Вып. № 2. С. 54 – 60 (0.4 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

5. Тимонина Т.Ю. Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира А. Мердок (тезисы доклада) // Дни науки – 2013: сб. ст. Вып. 2: Гуманитарные науки, педагогика. Калининград, 2013. С. 55 – 57 (0.1 п. л.).

6. Тимонина Т.Ю. Специфика поэтики света и тьмы в романе А. Мердок «Черный принц» // Наука и образование в жизни современного общества: сб. науч. тр. по материалам Межд. науч.-практ. конф. 29 ноября 2013 года. Ч. 14. Тамбов, 2013. С. 132 – 133 (0.1 п. л.).

7. Тимонина Т.Ю. Образ Локсия в романе А. Мердок «Черный принц» // В лучистой филигрании...: сб. науч. тр. к 65-летию С.М. Шаулова. Уфа, 2014. С. 74 – 80 (0.4 п. л.).

8. Тимонина Т.Ю. Пещерная образность в романе А. Мердок «Черный принц» // Научный журнал «Евразийский Союз Ученых»: сб. науч. тр. по материалам IX межд. науч.-практ. конф. «Современные концепции научных исследований». Ч. 12. М., 2014. № 9. С. 97 – 99 (0.4 п. л.).

9. Тимонина Т.Ю. Символика цвета в романе А. Мердок «Черный принц» (платонический аспект) // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. по материалам Межд. науч.-практ. конф. 28 февраля 2014 года. Ч. 3. Тамбов, 2014. С. 143 – 146 (0.2 п. л.).

10. Тимонина Т.Ю. Концепты света и тьмы в творчестве А. Мердок (на материале романов конца 1960-х – начала 1970-х гг.) // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания иностранных языков: сб. ст. по материалам Межд. науч.-практ. конф. 15 апреля 2015 года. Нижний Новгород, 2015. С. 82 – 90 (0.6 п. л.).

11. Тимонина Т.Ю. Хронотоп пещеры в романе А. Мердок «Черный принц» // Научный журнал «Евразийское научное объединение»: сб. науч. ст. по материалам III межд. науч. конф. «Перспективные направления развития современной науки». Ч. 2. М., 2015. С. 122 – 125 (0.5 п. л.).

12. Тимонина Т.Ю. Проблема «убивающего» сознания в романах Мердок 1970-х годов // Научный журнал «Globus»: сб. науч. ст. по материалам XI межд. н.-практ. конф.: «Общественные науки в современном мире». Вып. 11. СПб.: «Globus», 2016. С. 24 – 29 (0.3 п. л.).

Тимонина Татьяна Юрьевна

Поэтология света и тьмы в творчестве А. Мердок
(на материале романов конца 1960-х – 1970-х годов)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 16.09.2016 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.

Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5

Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ

Отпечатано в типографии

Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6.